

П. К. Симони об изучении надписей на памятниках древнерусской станковой живописи

В изучении истории русского языка сложилось противоречивое положение. Специалисты признают, что того круга памятников, которые опубликованы и служат основанием для ее построения, явно недостаточно для решения ряда важнейших проблем. Известные нам источники в значительной мере исчерпаны, если не иметь в виду проблематичной возможности их исследования методами, которые ныне едва ли правомерно считаются единственно структурными. Думается, что и традиционное языкознание таит в себе определенные возможности изучения лингвистической структуры. Не задерживаясь на этом попутном замечании, обратим внимание на то обстоятельство, что при указанной ограниченности материальной базы исследования обыкновенно не наблюдается более или менее активного стремления историков языка к работе непосредственно по рукописным источникам и введению в научный оборот новых данных древнерусской письменности, сохранившиеся фонды которой огромны. В частности, надписи на произведениях древнерусской станковой живописи, насколько нам известно, не привлекали внимания лингвистов, а между тем подобные надписи и с точки зрения истории языка, и палеографии небезынтересны.

В этой связи, нам кажется, заслуживает быть отмеченной попытка изучения таких надписей в палеографическом аспекте, вызванная необходимостью воспользоваться их показаниями для датировки памятников древнерусской живописи. В тяжелых условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции Советское государство заботилось о сохранении памятников рус-

ской культуры, об их изучении и приобщении к миру культурных ценностей широких народных масс. В 1920 г. образованный в составе Российской Академии истории материальной культуры Разряд древнерусского искусства приступил к обследованию древнейших памятников живописи в России и обратился с просьбой о содействии в изучении надписей на них к лингвистам-палеографам. В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея сохранились некоторые материалы, связанные с этим научным предприятием (ф. 37, ед. хр. 235). А. А. Шахматов, которому писал по этому поводу заведующий Разрядом И. Грабарь, не мог принять участие в предполагавшейся работе и рекомендовал пригласить П. К. Симони. В письме от 13 мая, адресованном Симони (л. 4, машинопись), Грабарь определял задачи обследования и высказывал некоторые пожелания относительно характера тех заключений, которые Разряд ожидал получить по 53 фотографиям надписей. При этом сообщалось следующее: «Во избежание осложнения работы по экспертизе, возможного при наличии следов разновременных палеографических элементов, надписи освобождены от всех позднейших поправок и дополнений и в предлагаемом на фотографиях виде^е являются либо изначальными, либо современными непосредственно под ними лежащему слою живописи, хотя и не изначальному, но все же древнему». Еще до получения письма Грабаря по поручению Шахматова Симони составил записку, в которой изложил свои соображения о методике палеографической экспертизы (лл. 17—18, машинопись). Записка датирована 9 мая. Сохранился черновик письма, адресованного Симони Шахматову, помеченный также 9 мая (л. 10). Сообщая о выполнении поручения, Симони вместе с тем замечает: «Впрочем, за свой план и последовательность работы по датировке снимков я не стою; будет мне предложат и н о й план, я буду готов выполнить и его». «Интересно было бы, — читаем далее, — иметь в руках Ваше печатное руководство по славяно-русской палеографии». Здесь же находим высокую оценку палеографического руководства В. Н. Щепкина: «В. Н. Щепкин давно дал мне п е ч а т н ы е листы своего превосходного курса славяно-русской палеографии, читанн^{ого} им в Моск^{овском} Унив^{ерситете}». Курс у него разработан полно и мастерски. И вязь, и миниатюра, и орнамен-

тика очень детально разработаны, даже и печатный отдел. Это вполне *va demesim* палеографа и библиографа и справочная книга».

Несмотря на то, что в наше время палеографу в прочтении и интерпретации надписей существенно помогает фотоанализ, соображения Симони в известной степени и поныне не утратили своего значения, почему их публикация и представляется полезной. Уместно вспомнить, что основой важнейших его трудов была палеография, а «постоянная работа над рукописями выработала из него первоклассного специалиста в этой области»¹.

Прежде всего необходимо отметить строго объективный подход Симони к прочтению древних надписей, что, между прочим, явствует из категорического отрицания им какого бы то ни было восстановления частично или полностью утраченных букв по догадке, «хотя бы идейный контекст иногда и давал возможность угадывать их продолжение или выпавшие места». Непременным условием предварительного исследования начертаний отдельных букв и знаков ставится сопоставление их с точными графическими соответствиями, а также ближайшими параллелями в опубликованных памятниках иконного письма, эпиграфических и т. д. Затем на основании в с е х наблюдений исследуемый графический материал сводится в г р у п п ы букв и знаков и только после этого, хотя бы приблизительно, определяется в р е м я написания «графических изображений на иконах». Для более уверенного суждения о времени написания, как полагает Симони, палеографу необходимо «н е п р е м е н н о с а м о м у», «с в о и м г л а з о м» изучить основу доску, подволоку-подстилку, т е х н и к у грунта и т е х н и к у свойств и способов наложения и закрепления красок, золота или чернил. Симони не удовлетворяют палеографические решения, основанные лишь на одном каком-нибудь признаке, вроде, скажем, почерка или характера букв. Ему свойственно широкое понимание палеографии как синтетической дисциплины. Такое понимание имело основанием прежде всего всесторонний опыт самого исследователя и его особое, мы бы сказали, проникновенное отношение к древней письменности. Например, в одном из своих трудов он ранее писал:

¹ Г. Виноградов. Полвека ученой деятельности П. К. Симони. «Язык и мышление», III—IV. М.—Л., 1935, стр. 291.

«Когда я приступал к занятиям по изучению нашей книжной старины по памятникам древней письменности, как начертанным на пергамене, так и на бумаге, и надписям на всякого рода вещах и проч., меня часто занимала мысль о той обыденной обстановке, в которой приходилось действовать старинному писцу и строителю всякого книжного дела вообще, а также и художнику-иконописцу в частности. Я приглядывался к цвету чернил и киновари или бакана, золота, красок и проч., коими писаны и украшены старинные рукописные книги и свитки-столицы и т. д. Равномерно мое внимание привлекали к себе и все другие стороны, так сказать, материальных изучений памятников, на коих приходилось встречать письмена, далее разнообразие приемов написания и почерков, украшений всякого рода, наконец, лицевых изображений и икон, в сложных по замыслу сочетаниях и т. д. Тогда же я заинтересовался и старинными окладами и переплетами»².

Стремлением к максимальной обоснованности заключений продиктовано требование Симони проверять данные надписей на памятниках древнерусской живописи показаниями пергаменных рукописей и письменности на бумаге.

Палеография, справедливо замечает Симони, «вообще более еще лишь занимается собиранием фактов, а не догматизирует». В наше время ее теоретическая разработка является одной из актуальных задач.

Письмо И. Грабаря П. К. Симони

Глубокоуважаемый Павел Константинович,

Разряд древнерусского искусства Российской Академии истории материальной культуры, поставив своей ближайшей задачей выяснение дат древнейших памятников живописи в России, наметил обследование их не только со стороны данных летописных, стилистических

---

² П. С и м о н и. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV—XVIII столетий. СПб., 1906, стр. 1. «Памятники древней письменности и искусства», CLXI.

и технических, но и со стороны палеографической. Палеографический метод датировки, широко применяемый при исследовании рукописей, до сих пор мало использован при изучении памятников живописи, палеографически несколько разнящихся от рукописей и требующих, быть может, иного подхода.

Ввиду важности дела и новизны его, Разряд остановился на мысли обратиться к содействию известных в этой области русских ученых, прося их дать свое авторитетное заключение о ряде надписей, сфотографированных с памятников, датировка коих может оказать решающее влияние на установление главных моментов эволюции древнерусской живописи.

Препровождая Вам при сем 53 фотографии с 28 памятников, Разряд надеется, что Вы не откажете ему в Вашей ценной помощи и дадите свое заключение о всех прилагаемых надписях.

С своей стороны Разряд позволяет себе высказать несколько своих пожеланий, касающихся технической стороны экспертизы.

Прежде всего желательно получить подробное мотивированное заключение о каждой отдельной надписи, по возможности с указанием аналогичных палеографических элементов в некоторых других известных Вам памятниках.

В тех случаях, когда, по Вашему мнению, среди прилагаемых надписей имеются более или менее близкие по времени начертания, нет необходимости давать особое заключение о каждой из них в отдельности и возможно объединение их в группы.

В случаях, где это представляется возможным, желательно отметить в характере надписи такие элементы, которые могли бы послужить косвенным указанием на территориальное или национальное происхождение памятника: «русский север», «русский юг», «Новгород», «Псков», «Болгария», «Сербия» и т. п.

Датировку желательно получить не в слишком общих хронологических границах, по возможности не в пределах целого столетия, а в частях его.

Ввиду исключительной важности настоящей экспертизы опубликование ее результатов не желательно ранее официального заслушания всех заключений в Разряде древнерусского искусства.

Во избежание осложнения работы по экспертизе, возможного при наличии следов разновременных палеографических элементов, надписи освобождены от всех позднейших поправок и дополнений и в предлагаемом на фотографиях виде являются либо изначальными, либо современными непосредственно под ними лежащему слою живописи, хотя и не изначальному, но все же древнему.

Данные экспертизы в запечатанных конвертах с надписью «Палеографическая экспертиза», вложенных в пакеты, направляются к 1 июля 1920 г. в Разряд древнерусского искусства Московской секции Российской Академии истории материальной культуры (Малая Никитская, 12).

Гонорар за экспертизу предлагаемых надписей — 15 000 р. (пятнадцать тысяч).

13 мая 1920 г.

Заведующий Разрядом *Игорь Грабарь*

Докладная записка П. К. Симони

Я представлял бы себе работу по дешифровке иконных надписей на основании представленных фотографических снимков в следующем виде:

а) Отметить на отдельной карточке, скопировав с фотографического снимка — так сказать, для частного своего употребления и более скорого и удобного розыска нужных черточек — в виде схематических чертежей начертания всех сохранившихся в данной надписи полностью букв; если же какие буквы испорчены и не подают даже намека, чтобы можно было попытаться установить, хотя бы по догадке, недостающие части, то такие буквы считать пропавшими, хотя бы идейный контекст иногда и давал возможность угадывать их продолжение или выпавшие места. Занумеровать каждое начертание, т. е. букву и все знаки: 1) препинания, 2) придыхания, 3) ударения и проч.

Обратить внимание на титлование слов, сокращаемых под титлами, на выносные за строку или при недописях за недостатком места и проч. — буквы (системы титлования были различны смотря по местностям написания памятников).

б) Постараться подыскать (по возможности) самые подходящие соответствия изображению каждой буквы

и отдельного знака по обнаруженным уже в печати до сих пор памятникам главным образом иконного письма, а также и по эпиграфическим вообще памятникам разного, впрочем, достоинства и значения, археологическим, палеографическим и иным трудам, постоянно сопровождая свои отметки ссылкой на найденный источник.

γ) Когда работа по приисканию точных соответствий, а также и их ближайших параллелей будет закончена, тогда можно будет приступить и к сводке всех наблюдений относительно характера отдельных приемов графических начертаний: можно было бы и подбираемый из фотографических снимков материал сводить в группы букв и знаков.

δ) Только после первоначальной — такой предварительно грубой, так сказать, — исследовательской работы можно будет пытаться определить и, хотя бы приблизительно, время написания графических изображений на иконах.

ε) Приблизительно только, — так как русская эпиграфика, особенно иконная, еще по сие время почти не существует:

1. Памятники ее еще не собраны в одно место и не разработаны.

2. Надежных снимков с надписей, какие бы были нужны, мы еще не имеем, по крайней мере в достаточном количестве. Собрание проф. И. А. Шляпкина для Археологической комиссии (в Петрограде) еще не вышло в свет, за исключением отдела крестов (в Записках Р. Археол. общ.) и скудных валовых его же заметок в курсе «Палеографии» (1905—1913 гг.).

3. Вообще же снимки в разных палеографических, археологических и других трудах по большей части весьма не точны; описаний настоящего состояния памятников и всех деталей их техники издатели, «сберегая место», обыкновенно не находят нужным давать. Кроме снимка, не прилагается никаких примечаний или объяснений, за редкими, впрочем, счастливыми исключениями. Надписи в натуре или грубо подрезывались и обновлялись, или сплошь закрашивались, если не просто замуровывались куда-либо в строение, фундаменты и т. д. Надписи на миниатюрах-иконах в рукописях и на отдельных листах, особенно же на деревянных досках, на камне и на металлических дощечках, переписывались при поновле-

нии, часто переименовывались и сокращались и т. п. Вот причины, отчего и дошло надписей вообще мало и автентичность и сохранность их пострадали страшно. Памятники нашей иконописи издавались как-то вообще хуже, чем памятники других отделов археологической науки. Вопросы об изучении палеографической стороны иконных изображений почти что и не подымалось, хотя снимки в разных родах исполнения уже имеются.

4. Палеографу для более уверенного суждения о времени или месте, к какому должна быть относима та или иная надпись, следует — как и вообще для пользы самого дела — непременно самому осязательно изучить своим глазом основу-доску, подволоку-подстилку и технику грунта, на коем помещается иконная надпись, и технику свойств и способов наложения и закрепления красок, золота или чернил, различать глазом и при дневном свете (особенно при солнце) то многое, чего не подобрать и не закрепить на фотографии, особенно поправки, переделки, подчистки, починки, пропуски букв, вязи и т. д., смешение приемов, т. е. употребление краски и золота, причем одно могло поблекнуть — слиться, а другое остаться и т. п. — вообще случаи, не закрепляемые фотографией. Да помимо всего того, палеографу вообще нужно знать, золотом ли или красками, киноварью, сурьей, баганом или белилами, или чернилами написаны буквы и знаки надписи.

Палеография вообще более еще лишь занимается собиранием фактов и материалов, а не догматизирует. Пока она лишь — практическое знание, энциклопедически и по частичкам отвлекаемое от разных смежных знаний, наук и практических ведений, а потому всякому палеографу, для более смелого и решительного суждения, нужно бы стараться — кроме запаса разнообразнейших практических знаний — непременно своими глазами увидеть и, так сказать, осязать весь изучаемый предмет и со всех сторон: исторической, художественной, технической и т. д., так как современная нам палеографическая наука силится постановлять свое решение не по одному лишь какому-нибудь признаку вроде почерка или характера букв («сводной азбуки»), а лишь по сумме всех доступных исследованию палеографических признаков (ср.: графика, почерк, росчерки, надстрочные знаки, лигатуры, характер чернил, киновари, золота, пергамена или

бумаги, заглавных букв, вязи, заставиц, миниатюр, орнамента, переплета, «узорочья» цветных полосок и «прокладниц» при миниатюрах, «обшивки» в узоре разноцветными шелковыми нитями «головок» (главник, главица) внизу и сверху корня книг и переплета и т. д.).

ζ) Изучение надписей на иконах, писанных на досках, сближается с палеографическим учением о надписях на иконах, помещенных на книжных миниатюрах, отчасти даже, особенно для XVI и след. стол., на басменных золотом, серебром или просто тисненых горячим способом с медных дощечек на книжных переплетах; затем еще далее отстоит по характеру техники палеография надписей в стенных росписях, на шитых шелками или жемчугом воздухах, пеленах, покровах и т. д. Хотя привлечение и этих групп материалов могло бы быть очень полезно и облегчить в вопросе о датировке, так как датированных икон на досках чрезвычайно мало доступно для изучения исследователей-палеографов.

η) По заключении работы по изучению надписей на означенных иконах исследователь может и должен будет проверить свои выводы опять еще по тем данным, какие ему может предоставить вообще палеографическая наука, построившая свои выводы на изучении письма рукописей и актов-грамот, писанных на пергамене и на бумаге.

Это тем более необходимо будет сделать, так как и писание икон, хотя бы и на досках, и особенно писание надписей на таких иконах очень близко стоит и во всяком случае напоминает письмо рукописей и ему соответствует. Впрочем, в надписях на иконах почему-то довольно часто глаз исследователя примечает и поражается присутствием не на месте то того, то другого архаического или, лучше сказать, архаизированного намеренно буквенного изображения или графического или иного знака (переживания и остатки старины. Ср. в греко-византийских минускульных рукописях IX в. и далее в югослав. и русском украшенном письме, особенно хризографией или разными красками).

9 мая 1920 г.

Павел Симоны

Список сокращений

- БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВЯ — Вопросы языкознания
ГБЛ — Государственная всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы
ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности
ИРЯЗ — Институт русского языка АН СССР
Муз. — Музейное собрание
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РФВ — Русский филологический вестник
Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности
Син. — Синодальное собрание
Срезн. — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. — Сб. ОРЯС, т. 20, 1879, № 4
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
Чуд. — Чудовское собрание
Шим. — В. Шимановский. Изборник Святослава 1076 г. Варшава, 1894